

НАЛОГОВЫЕ РАБОТНИКИ И ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА УРАЛЕ КАК АКТОРЫ ЭКОНОМИКИ НЭПА: ПО СЛЕДАМ «АСТРАХАНСКОГО ДЕЛА»*

В статье анализируются материалы судебно-следственного дела, возбужденного в 1929 г. по фактам взяточничества и мошенничества работников Свердловского окружного и Уральского областного финансовых отделов и частных торговцев города Свердловска. На региональном материале рассматривается реализация всероссийской кампании, начавшейся с «Астраханского дела» и направленной на ликвидацию частнокапиталистического хозяйственного уклада в экономике страны. Целью работы является изучение процессов взаимодействия частных предпринимателей конца 1920-х гг. и сотрудников финансовых органов, которые рассматриваются как акторы предпринимательской деятельности в годы нэпа. Предмет исследования — интересы сторон, характер взаимодействия сотрудников фискальных органов и частных предпринимателей. Хронологические рамки (1928–1929) предопределены течением как «астраханского», так и «свердловского» процессов. На основе акторной модели модернизации рассматриваются: интересы сторон как акторов хозяйственной деятельности; мотивы их поведения; проблемы взаимодействия частных предпринимателей и сотрудников финансовых органов; причины, по которым сотрудники фискальных органов саботировали процесс форсированной ликвидации частника (проблема не сводится исключительно к коррупционной составляющей); роль судебного процесса в обосновании ликвидации окружного деления в рамках Уральской области.

К л ю ч е в ы е с л о в а: новая экономическая политика; «астраханское дело»; финансы; налоги; частные предприниматели; фискальная политика; администрирование; правый уклон; коррупция; судебно-следственное дело; «замкнутый круг частного сектора хозяйства»; Уральская область; Свердловский округ.

Рассмотрение процесса восстановления экономики Уральской области после окончания Гражданской войны невозможно без учета места и роли частного сектора хозяйства. Необходимо учитывать специфические черты региона, которые, с одной стороны, ограничивали поле деятельности для частного сектора хозяйства, с другой — повышали его значимость в сфере занятости, снабжения населения товарами и обеспечении необходимым набором услуг.

Методологические принципы, заложенные в основу нашего исследования можно рассматривать в контексте акторной модели модернизации. При этом

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Частный сектор хозяйства в экономике Уральской области 1923–1934 гг.» №15-11-66003.

под акторами мы понимаем субъектов, которые осознают свои интересы и в практической деятельности стремятся к их реализации. «Центральным в рамках модели является понятие оптимизации: предполагается, что акторы ведут себя рационально в том смысле, что они будут стремиться выбирать действие, которое максимизирует разницу между выгодами и затратами. Действуя рационально, актер всегда участвует в своего рода оптимизации, которая в некоторых случаях может восприниматься как стремление к достижению максимальной полезности или минимизации затрат» [Побережников, с. 97]. Особое значение приобретает деятельность акторов в условиях переходного периода, в период трансформации общественных институтов, когда речь идет не только об адаптации, но и о физическом выживании. Поэтому особенно важно рационально распределить имеющиеся активы (ресурсы, собственность, квалификация) и минимизировать риски, диверсифицируя свои вложения.

Важной теоретической составляющей исследования является проблематика конструирования социальной идентичности в условиях советского общества [Фицпатрик, с. 9]. Не вдаваясь в детальный анализ историографии, отметим ряд работ, которые важны при рассмотрении нашей темы. Это публикации, посвященные непосредственно «астраханскому делу» [Тюрин]; проблемам коррупции [Орлов, Маркосян], частным предпринимателям Сибири [Демчик; Шейхетов]; маргинальным слоям населения советской России [Маргиналы в социуме; Маргиналы в советском социуме].

Целью данной статьи является анализ процессов взаимодействия частных предпринимателей и сотрудников финансовых органов. В качестве объекта исследования рассматриваются акторы предпринимательской деятельности в годы нэпа, а предметом изучения являются интересы сторон, характер взаимодействия сотрудников фискальных органов и частных предпринимателей, причины, по которым сотрудники фискальных органов саботировали процесс форсированной ликвидации частника. Хронологические рамки (1928–1929) предопределены периодом проведения «астраханского» и «свердловского» процессов. Территориальные рамки — Свердловский округ Уральской области.

Основным источником явились судебно-следственные дела, представляющие собой разновидность делопроизводственной документации, содержащие комплекс материалов, фиксирующих все стадии разбирательства и достаточно подробно изученные в источниковедении.

Рассмотренные нами документы имеют общий заголовок — «Дело по обвинению А. А. Гудкова, М. В. Мухина, А. Г. Якобсона, П. С. Логинова, Ф. Ф. Вешкорцева, П. М. Брегман и др. в извращении налоговой политики (01.01.1929–31.12.1929)». Дело находится на хранении в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в фонде Свердловского областного суда (Ф. 148-р) и состоит из пяти томов, общим объемом более 900 листов [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1 (1921–1934 гг.), д. 385 (т. 1); д. 381 (т. 2); д. 383 (т. 3); д. 384 (т. 4); д. 382 (т. 5)]. Шестой том дела выбыл из ГАСО без указания причин в деле фонда. Деятельность финансовых органов, помимо судебно-следственного дел,

рассматривается нами на материалах фонда Свердловского Окружного финансового отдела (далее — Окрфо) и его вышестоящей организации Уральского Областного финансового отдела (далее — Облфо) [ГАСО, ф. 72-р; ф. 593-р].

Свертывание нэпа нуждалось в идеологическом обосновании, которое виделось в борьбе с оппозицией, получившей в «пространственно-пропагандистской» системе координат наименование «правой» и персонифицированной в лице Н. И. Бухарина [Не только идейно..., с. 2].

Сообщения об астраханском процессе и выявленные на Урале примеры злоупотреблений, факты сращивания части государственного аппарата с частным капиталом сопровождалась пространными статьями дискуссионного характера, в которых критиковалась оппозиция [Лейканд, с. 2].

Кампания, которая началась в городе Астрахань в 1928 г. с сотрудников Губернского финансового отдела исполкома и городского торгового отдела, прокатилась по всей стране и ознаменовала собой очередной этап наступления на частный капитал. Маневр заключался в том, что удар наносился по «тылам» частника, по тем сотрудникам советских органов, которые поддерживали частных предпринимателей. Ю. Ларин, перечисляя источники первоначального накопления частного капитала в народном хозяйстве СССР, называл такие элементы «агенты и соучастники частного капитала в госаппарате» [Ларин, с. 9].

Суть астраханского дела сводилась к тому, что ряд частных и кооперативных организаций при помощи взяток должностным лицам снижали свои налоговые отчисления. При этом были арестованы и репрессированы не только непосредственно виновные лица, чистке подверглись многие хозяйственные, государственные и партийные организации Астраханского округа. Расследование длилось весь 1928 г. и закончилось в мае 1929 г. Первоначально арестованным было предъявлено обвинение по ст. 117 и 118 УК РСФСР (дача и получение взяток). Однако по указанию из Москвы вину переквалифицировали по ст. 57 ч. 7 (экономическая контрреволюция), и дело приобрело политический оттенок. Средства массовой информации делали все, чтобы придать этим делам политический характер, а на митингах и собраниях говорилось о контрреволюционерах и диверсантах, осуществлявших подрывную деятельность. По мнению А. О. Тюрина «долгое время имя древнего города стало нарицательным ярлыком, обозначающим крайнюю степень коррупции и казнокрадства» [Тюрин, с. 26].

В отличие от «астраханского», где в центре внимания оказался рыбный промысел, «свердловское дело» основывалось не на выявлении злоупотреблений в конкретной отрасли хозяйства, а в фискальной сфере. Отметим, что кампания охватила несколько округов Уральской области, помимо Свердловского, аналогичные проверки, а затем и судебные дела были возбуждены в Курганском и Златоустовском округах.

Дело Свердловского Окрфо рассматривалось по трем направлениям: 1) работа налогового аппарата по взиманию прямых налогов; 2) деятельность отделений по взиманию прямых и косвенных налогов; 3) функционирование «Отделения

ликвидации недоимок налогоплательщиков и реализация имущества государственных фондов» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 382 (т. 5), л. 162–194].

В качестве обвиняемых по делу проходили 14 служащих Областного и Окружного финансовых отделов, эксперты Института государственно-бухгалтерских экспертиз Рабоче-крестьянской инспекции (ИГБЭ РКИ). Среди них не было ни одного руководителя высшего звена, а только их подчиненные. Трое, на момент следствия, являлись членами ВКП(б), один выбыл из партии, остальные были беспартийными. Им инкриминировались следующие статьи Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.): ст. 109 (злоупотребление служебным положением), ст. 116 (присвоение и растрата), ст. 117 (взятка) и ст. 169 (злоупотребление доверием и обман) [Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.]

Обвиняемыми выступали также частные предприниматели и рядовые граждане, дававшие взятки, в количестве 20 человек. Среди них были частные торговцы (11 человек), владельцы хлебопекарен (4), держатели парикмахерских (2), бань и номеров (1) и рядовые граждане (2). Отметим интернациональный состав обвиняемых: двое являлись греческими подданными, один — гражданином Чехословакии, а остальные — гражданами СССР. Абсолютное большинство обвиняемых уже были лишены избирательных прав как частные предприниматели. Этой категории лиц вменялось в вину нарушение следующих статей Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.): ст. 118 (дача взятки и посредничество во взяточничестве), ст. 169 ч. 2 (мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению) [Там же].

Обвинительное заключение строилось на том, что чиновники занижали уровень налогообложения частного исключительно из личных, корыстных целей, брали за это взятки в денежной и натуральной форме. На наш взгляд, это обстоятельство, несмотря на его очевидность, не может объяснить массовость такого явления, так как подобные факты были вскрыты на всей территории страны, на самых разных уровнях управления, охватывали различные отрасли и сферы деятельности. Если явление носит системный характер, то необходимо проанализировать предпосылки, которые носили объективный характер, а дефекты системы не списывать исключительно на несовершенство человеческой природы и жажду наживы.

По нашему мнению, проблема неадекватности налогообложения лежит в самой системе взимания налогов. Достаточно резкое возвращение в хозяйственную практику элементов рыночного хозяйства потребовало оперативного создания соответствующих институтов, в том числе фискальных. Система налогообложения была заимствована из дореволюционного прошлого, а в качестве объектов налогообложения выбирались те, которые были наиболее доступны, легче поддавались учету, которые было трудно скрыть от контролирующих органов [см.: Промысловый налог; Килин].

Отметим, что недостатки финансового, бухгалтерского и товарного учета были повсеместной практикой в условиях нэпа, встречались как в частных, так

и в государственных организациях, а дефекты могли быть выявлены как в предпринимательской среде, так и в практике работы налоговых органов.

Точный расчет налоговой базы был затруднен, так как предполагал получение данных об обороте торговых заведений. Как правило, использовали примерные нормы для однотипных заведений как по объему, так и по предметам торговли. Проблема в том, что и в этих однородных группах обнаруживались серьезные различия, что ставило под сомнение объективность начисления налогов.

Политика налогообложения строилась на классовом принципе и отражала изменения экономической политики государства по отношению к частнику. Этапы либерализации в отношении частного капитала сменялись прессингом, очередной и заключительный этап которого пришелся на начало 1930-х гг. Сотрудники налоговых органов были вынуждены оперативно реагировать на изменения политической конъюнктуры. По объективным причинам реакция налогового аппарата в провинции порой запаздывала. В протоколе допроса финансового инспектора и управляющего делами Окрфо А. А. Гудкова отмечается, что политика в отношении частника изменилась слишком резко и сотрудники не успели оперативно среагировать: «...Отношение к частнику со стороны Облфинотдела было сдерживающее, которое я характеризовал так “к [бухгалтерским] книгам надо относиться осторожно и если книги имеют незначительные дефекты с формальной стороны, то их нужно принимать” или “частник свертывается, а если мы будем усиленно нажимать, то мы не выполним бюджета”, “частника нужно сохранить, т. к. наши госорганы и кооперация еще не могут охватить рынок”. Твердое и устное, и письменное руководство, т. е. классово-правильное руководство в области борьбы с частником через налоговый [аппарат] уже появилось лишь со стороны области в последнее время, т. е. август-сентябрь. Достойного руководства работой городских инспекторов со стороны Окрфо, начиная с 1923 г. я не видел, лишь потому, что в аппарате Окрфо люди сидели с меньшей квалификацией, чем инспектора участков» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 278–278 об.].

По словам обвиняемого, он, член ВКП(б) с 1919 г., обладает практическим политическим чутьем: «О своей политической подготовке я могу заявить лишь, что я могу самостоятельно разбираться в той или иной политической ситуации. Никакой специальной подготовки я, за исключением ленинского кружка, в каких-либо школах не проходил и не получил, считаю себя политически слабо развитым, но могущим определять и разобраться самостоятельно в вопросах политической жизни партии и советской власти, а также до сего времени достаточно верно разбирался в уклонах различных партийных группировок» [Там же, л. 279]. Как показала практика, этого чутья было недостаточно, так как А. А. Гудков оказался на скамье подсудимых.

Наступление на частника как отражение «генеральной линии партии» было очевидным, возникал вопрос только в сроках и темпах этого маневра. Несомненно, финансовые работники были осведомлены о планах властей, более того, предупреждали об этом частных предпринимателей, однако,

на наш взгляд, недооценили интенсивность перемен. Из протокола допроса свидетеля, частного торговца Г. В. Кругляшева: «Также Чумичев (частный предприниматель. — А. К.) мне говорил, что когда он ликвидировал торговлю и хотел отстроить гараж, для автопроката, то его друзья из Окрфо определенно предупредили, что это гиблое дело, что предполагается нажим на частных и налогами разденут донага. Характерно, что почти на второй же день после ликвидации дела Чумичев устроился на работу в Комхоз» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 381 (т. 2), л. 184].

По нашему мнению, региональные органы власти, в том числе и фискальные, не были заинтересованы в форсированном процессе ликвидации частного сектора хозяйства по ряду причин.

Формирование в годы нэпа территориально-рыночной, регионально-корпоративной модели региональной политики дало положительные результаты. Специфика этой модели заключалась в локализации производства, в наличии многоукладности, в общности интересов предприятий различных форм собственности. Территориальный принцип управления экономикой способствовал развитию кооперативных связей, осуществляемых через рынок. В дихотомии «план — рынок» рыночные начала порой доминировали, так как органично вписывались в ценностные ориентиры субъектов хозяйственной деятельности, акторов рыночных отношений. Напротив, идеи тотального планирования и распределения не всегда находили понимание, тем более что реальная практика свидетельствовала о неэффективности данных механизмов. Эти элементы «рыночности» и адекватной оценки экономической ситуации на локальном уровне встречаются в протоколах допросов. Допрошенный в качестве свидетеля помощник финансового инспектора Второго участка, молодой коммунист из семьи рабочих А. С. Васильев, подвергал критике осторожность своих старших товарищей: «...На Облфинсовещании т. Румянцев (заведующий Облфо. — А. К.) в своем выступлении так говорил: “Вы, товарищи, не спешите с переобложением, не увлекайтесь этим делом, что их (частников. — А. К.) надо сохранить”» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 96 об.].

Активизация товарооборота, наполнение рынка товарами, продуктами питания и потребительскими товарами происходили не без участия частного сектора. Это отчасти снимало социальную напряженность, которая возникала в связи с дефицитом продовольствия и товаров повседневного спроса. Выступая в качестве коммерческого посредника, частник позволял наладить деятельность обобщественного сектора в той части, которая была ему выгодна. Темпы развития обобщественного сектора были недостаточно высоки, поэтому в полном объеме заменить частника он не мог. Система централизованного распределения была не в состоянии удовлетворить запросы населения. Это обстоятельство было очевидно региональным руководителям, поэтому форсированное уничтожение частника сулило им массу проблем, решение которых было возможно, но было чревато большими издержками, сопровождалось карьерными рисками. Насколько это понимание ситуации выливалось в реальное противодействие конкретных

руководителей, сказать сложно. Обращение к судебнo-следственным делам позволяет нам обнаружить факты «саботажа» генеральной линии, основанные не только на личных, но и на региональных интересах. Это особенно важно, так как традиционно рассматриваются прямо противоположные факты, примеры радикализации директив центра на низовом уровне, ситуации, при которых задачи, декларируемые на высшем уровне власти, реализуются на местах с бoльшим рвением, чем планировалось (пресловутые «перегибы на местах»).

И. Н. Кайдалов, работавший областным ревизором, на допросе показал следующее: «...В январе месяце 1929 г. при обложении промналогом работал на 3 участке Свердловского Окрфо, благодаря моему нажиму обложение торговцев этого участка проведено, по-моему, достаточно высоко. В остальных участках, особенно первом, было, безусловно, недообложение. Причем т. Мухлынин (инспектор 3 участка) мне говорил, что т. Пилюгин (инспектор 1 участка) несколько раз его предупреждал “Ты не слушайся Кайдалова, не особенно поднимай обороты, а то за переобложение не он, а ты сядешь на скамью подсудимых”. Надо сказать, что работать по обложению было чрезвычайно трудно, т. к. в течение прошлого года материала, характеризующего обороты и доходы предприятий, собрано не было» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 382 (т. 5), л. 78 об.–80].

Сбор налогов с крупных предприятий, пусть и по заниженным ставкам виделся для сотрудников Окрфо более предпочтительным, чем взимание налогов с мелких предприятий, с минимальным фискальным эффектом, так как требовал больших затрат времени и сил. Была высока вероятность ликвидации мелких частных предприятий после уплаты налога, что влекло за собой необходимость заново проводить работу по выявлению, фиксации и обследованию частника. Стабильность работы крупных частных предприятий была залогом того, что налоговые проверки приобретали систематический и менее затратный характер, позволяли пополнять местный бюджет, решали проблемы снабжения на местном рынке, позволяли процветать неформальным связям, которые затем конвертировались во вполне конкретные материальные блага.

По этой причине практика налогообложения крупной, оптовой и мелкой, розничной торговли отличалась. А. С. Васильев, инспектор 2 участка г. Свердловска на допросе показал: «“Дело Миркина”, после признания его книг дефектными — стал облагать по повышенной ставке. <...> Недообложение выражается в 100 с лишним тысяч рублей, когда об этом узнал заведующий Окрфо Абрамович, он вызвал меня в кабинет и заявил, какое я имел право облагать Миркина, не согласовав этого вопроса с работниками Облфо. <...> Затем Абрамович вызвал Глузмана из Облфо и сделали переобложение, но как ни вертели, все равно эта сумма недообложения выявляется. Одновременно Абрамович заявил, что как я буду отвечать перед общественностью за недообложение [в прошлом]. <...> Это уже хуже, когда начиная с головы идут поблажки. <...> Все те лица, которые прямо говорили о недочетах, они оказались виновными, а те, кто ставил вопрос о том, что в аппарате нужны не коммунисты, а специалисты (слова зав. Окрфо) оказались правыми. Замазывание фактов разложения было, старые работники

аппарата знали каждый про другого многое, но при этом молчали...» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 5), л. 1–3].

Налоги частника пополняли местный бюджет, который в 1920-е гг. обладал достаточной долей самостоятельности. Задолженность частного сектора по налогам («недообложение», «недоимочность» частника) можно рассматривать как потерю бюджетных средств, а можно как плату обобщественного сектора за неэффективное хозяйствование и возможность компенсировать недостатки собственной деятельности с помощью частника. В Заключении экспертной комиссии приводятся данные о состоянии недоимочности по Свердловскому округу. «Состояние недоимок (без учета сельхозналога) по Свердловскому округу характеризуется следующими данными: принимая сумму недоимки, числящейся как за обобщественным, так и за частным секторами, на 01.10.1926 г. за 100 %, на 01.10.1927 г. она составляла 112,4 %, на 01.10.1928 г. — 87 % и на 01.10.1929 г. — 82 %. Недоимочность отдельно (в том числе) по частному сектору, также принимая ее на 01.10.1926 г. за 100 %, на 01.10.1927 г. составляла 130 %, на 01.10.1928 г. — 113 % и на 01.10.1929 г. — 132 %. Таким образом, усматривается, что если общая сумма недоимки (числящаяся за обобщественным и частными секторами) имеет тенденцию к постепенному из года в год снижению, то недоимочность по частному сектору, наоборот, из года в год увеличивается» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 381 (т. 2), л. 67–67 об.]. Эти данные призваны подтвердить недостатки в работе налоговых органов, которые не прилагают усилий для взимания долгов с частного сектора. На наш взгляд, эти цифры свидетельствуют о закрытии частных предприятий, в том числе и по причине усиления налогового бремени, даже с учетом неправомерного, по мнению членов комиссии, «льготирования» со стороны Окрфо.

Протокол допроса свидетеля финансового агента Третьего участка С. Ф. Белоусова: «По нашему 3 участку констатируется большое недообложение частников, главным образом кустарей. <...> Для меня лично становится несколько непонятной политика, нисходящая по НКФ. С одной стороны общая политика диктуется о наступлении на частника, а с другой говорит, что частника надо сохранить, не нажимать, это по линии нашей НКФ. Так, например, кажется в декабре месяце 1928 г. приезжал член правления НКФ РСФСР Шалимов, который, как мне передавал Пилюгин, накричал и натопал ногами на Мухлынина Порфирия, назвал нас баранами, за то, что мы работаем неправильно, что нас надо выпороть, что мы работаем день и ночь, а четкости в работе нет. Или взять, например, дело с Миркиным: когда его опорочили и хотели переобложить, зав[едующий] Окрфо Рабинович или Антонов, точно не помню, говорил, что Миркина надо сохранить, что Миркин для бюджета полезен. Миркина, между прочим, помню, тогда переобложили, но под давлением это переобложение отменили. То же самое получилось и с частником Мунастыевым (Мунасыповым. — А. К.), последнему была даже отсрочка и, как это на собрании коллектива отмечено, вопрос был согласован с администрацией. Особенно резко выступил по вопросам искривления политики инспектор 1 участка Пилюгин. Он же, кажется,

настаивал на обложении арендатора крупорушки Фефера, но ему доказывали, что он не прав. Характерно, что этот самый Фефер, судя по выступлению Пилюгина, принес даже бумажку из Окргорга, которая защищала его как якобы кустика (а он имеет наемных рабочих). Работаю я с 1923 г., работал с охотой, а теперь совсем затерялся; не пойму политики, которую надо проводить. Вот теперь, когда накружили, что назначается, Абрамович приказал переобложить якобы недообложенных кустика в двухдневный или трехдневный срок, а через день-два спрашивает, как обстоит дело, и сказал: «Обложить без всяких обследований» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 136–137].

Доминирование идеологии над экономикой предопределяло рассмотрение любых явлений действительности под классовым углом зрения, в контексте глобальной борьбы «старого» и «нового», «добра» со «злом». Соответственно на налоговые органы накладывались обязательства быть не столько инструментом для пополнения доходной части бюджета и экономического регулирования хозяйственной деятельности, сколько оружием «возмездия», экспроприатором незаконно нажитых средств частником (в том числе в прошлые годы) в пользу обобщественного сектора, в духе теории «первоначального социалистического накопления» Евгения Преображенского.

Акторам предпринимательской деятельности, как частным торговцам и промышленникам, так и сотрудникам налоговых органов, стремились навязать не свойственные им роли. Финработник рассматривался не только как экономист и бухгалтер, счетовод и чиновник, но и как идеологический работник, пропагандист. По этой причине в прессе раздавались призывы рассматривать деятельность фининспектора как идеологическую, а не сугубо административную. «Канцелярская техника заменяет классовый подход в работе ревизорского аппарата финорганов. Формально правильная ревизия часто объективно покрывает загнивание в отдельных звеньях налогового аппарата. Финансовый ревизор должен быть не только контролером-техником, но и политическим работником. ...Ревизор не делает никаких попыток прощупать обложение по линии классового содержания. ...Никто определенно и жестко не требовал с ревизора оценки обложения по существу и выводов о правильности осуществления классовой политики» [Ивников, с. 2].

На волне борьбы с «правым» уклоном этот термин проникает и в повседневную деятельность органов фиска, отражается в материалах следствия. Протокол допроса свидетеля М. П. Пилюгина, учащегося финансовых курсов, проходившего в августе 1928 г. практику в 1 участке Окргфо, содержит в себе идею презумпции вины частника: «В июле 1928 г. было областное совещание налоговых работников, где по результатам обложения за 1927/28 г. были констатированы факты: а) недоучет плательщиков, б) недообложение и переобложение не только отдельных лиц, а целых групп плательщиков. Главное отметили в п. 11, что налоговые работники якобы имеют тенденцию к необоснованному отклонению книг, к увеличению размеров доходов и оборотов. Это... предложено изжить, т. е. иными словами облагать больше можно лишь тогда, когда будут

материалы — доказательства, зная хорошо, что каждый частник старается вести дело так, чтобы не было доказательств, и обосновать материалами не всегда бывает возможно, а *книги безусловно признать нельзя, хотя формально они ведутся как бы правильно* (выделено нами. — А. К.). <...> Есть письмо, секретное, зав[едающего] Облфо за подписью тов. Румянцева от 26.02.1929 за № 23/26 и Оквнторга приблизительно в то же время, номера я не знаю, в котором предлагается никоим образом не допускать переобложения старых мясников-торговцев и не тормозить открытие новых, чтобы сохранить их на местном рынке» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 257–258].

Доминирование идеи революционной законности и политической оценки хозяйственной деятельности встречается повсеместно. Из протокола допроса свидетеля, инспектора 3 участка Свердловского Окрфо П. Ф. Мухлынина: «Вопрос: Было ли допущено искривление классовой линии в практической налоговой работе Окрфо? Ответ: Да, искривление классовой линии было, как со стороны налогового подотдела Окрфо, так и со стороны <...> работников налоговых участков Окрфо. Искривление классовой линии выражалось в том, что работниками налогового п[од]отдела Окрфо предоставлялась рассрочка по уплате платежа налогов частным торговцам (Мунасыпов и К°, Кузьмин и К°), в то время как кооперативные организации в рассрочке платежа налогов получали отказ (Свердловская контора товарищества рыболовов и охотников). Заключалось в неполноте охвата всех объектов и субъектов обложения, и недообложения крупных кустарей с наемной силой и переобложении мелких кустарей-одиночек. <...> Думаю, что умышленного, с корыстной целью искривления классовой линии допущено не было. <...> Причины: Политическая близорукость налоговых работников Окрфо. Плохая постановка в работе как самого Окрфо, так и в работе налоговых участков. Отсутствие честности в работе и контроля за проделанной работой. Это положение объясняется невероятной перегруженностью в работе налоговых работников и текучестью аппарата. <...> Недостаточность следовательского материала. <...> Послабление частному капиталу в Третьем участке (как то: предоставление рассрочки платежа, поимущественного и подоходного налога, и т. д.) объясняю тем, что Третий участок обвинили в том, что он допустил переобложение частных предприятий. Этот вывод сделала комиссия Наркомфина в лице Шалимова и Фохта, и обл[астной] ревизор Кайдалов. Привожу подлинные слова Фохта, который на техническом совещании сказал, что обложение произведено так: *Первый участок недообложение (правый уклон), Второй участок нет ни того ни другого, т. е. обложение произведено правильно (центральная линия), Третий участок небольшое переобложение (левый уклон)* (выделено нами. — А. К.). Впоследствии мне сказали на словах, конечно, областной ревизор и Мухлынин С. Ф. зав[едающий] налоговым подотделом, что тебе, Мухлынин, придется регулировать переобложение на подоходном налоге и другими путями, чтобы избежать массового свертывания частных предприятий. В результате чего я старался сохранить здорового частника, а налоговый п[од]отдел мне в этом помогал, если не сказать больше. Целому ряду частников

предоставлялись понижения в налоге...» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 382 (т. 5), л. 40–41 об., 54].

В период нэпа ярко проявились противоречия между идеологическими установками и реальной практикой в оценке оптимального соотношения частного и общественного интереса. Уместен образ узкой и извилистой «тропинки», которая носила звучное название — «генеральная линия партии», которая проходила между «правым» и «левым» уклоном и по которой ответственным работникам следовало двигаться с ловкостью канатоходца.

Эти факты нашли отражение в статьях, опубликованных в газете «Уральский рабочий» [Лапин, с. 2; М. Н., с. 5]. Интерес широких слоев населения к судебным процессам был высок. Частные предприниматели, которые участвовали в процессах в качестве зрителей, использовали их с пользой для себя, повышали свою финансово-правовую грамотность. В «Уральском рабочем» была опубликована статья, описывающая аналогичный процесс над сотрудниками Курганского Окрфо, который, по мнению корреспондента, дал негативный идеологический и слабый пропагандистский эффект. «...Массы не присутствовали на процессе. Зал судебного совещания представлял “краткосрочные курсы” для всевозможных частников по изучению методов налогового обложения. Мясные торговки, бакалейщики галантерейщики, хлебные спекулянты, чиновники, изгнанные из госаппарата, вот кто сидел в зале суда с записными книжечками в руках и записывал “на всякий случай” интересные детали практики налогового дела. Суд работал буквально в мелкобуржуазном окружении. Допрос частника Кириллова, например, проходил под всеобщий гул “аудитории”, причем все симпатии этой “уважаемой публики” были, разумеется, на стороне частного заводчика. Нужно сказать, что и Окружной суд в этом деле, как и вообще в деле борьбы с правым уклоном и извращениями политической линии партии, был не на высоте положения. Судебные работники, как и профсоюзные руководители, не учли важности показательных моментов процесса, не обеспечили себе рабоче-крестьянское окружение: суд проходил в тесном помещении Окрсуда, тогда как помещений, рассчитанных на большой состав публики, в Кургане достаточно» [Литвинов, с. 3].

Анализ материалов судебно-следственного дела дает возможность на региональном материале рассмотреть характер взаимоотношения частного сектора хозяйства и фискальных органов, проследить, какими интересами они руководствовались в своей повседневной практике. Как нам представляется, сводить суть дела исключительно к проблеме коррупции было бы нецелесообразно, такой подход, безусловно, вызывает живой интерес и позволяет популяризировать тему, но упрощает ситуацию.

1929 г. вошел в историю не только как год нажима на частника, но и привнес переоценку роли хозяйственных укладов, которые стали рассматриваться не через экономическую, а исключительно через идеологическую «оптику». Идеология вытесняла экономическую целесообразность, а порой и здравый смысл. Стремление ликвидировать многоукладную экономику и сконцентрировать в руках

государства все ресурсы оправдывалось не экономической целесообразностью, а наличием внешней или внутренней угрозы. Эта угроза явно переоценивалась, но сама идея находила отклик в широких массах, впрочем, не столь единодушный, как показывают материалы «астраханского» и «свердловского» дел.

Свертывание частного сектора хозяйства привело к сжатию налогооблагаемой базы, сокращению сферы деятельности налоговых органов. Полное исчезновение субъектов и объектов налогообложения, огосударствление всех сфер жизни сводило деятельность финансовых органов исключительно к исполнению бюджета и контролю. Уход частных предпринимателей в тень делал их объектами внимания не столько налоговых, сколько правоохранительных органов. Понятно стремление сотрудников налоговых органов не форсировать, а затянуть процесс полного и окончательного вытеснения частного капитала. Угроза безработицы была вполне реальна, учитывая биографии сотрудников Окрфо [ГАСО, ф. 72-р, оп. 1 «Л», д. 158, 159, 160, 236].

Особое внимание к деятельности региональных, в частности окружных органов власти именно в этот период закономерно. В рамках политики централизации и форсированной модернизации требовалось нивелировать региональные интересы, сосредоточить все ресурсы, а также рычаги стратегического и оперативного управления в руках Центра. Предпосылки к реформированию административно-территориального деления Урала закладывались в 1929 г. Ликвидация округов в 1930 г. — первый шаг к централизации и перераспределению полномочий. В условиях отказа от саморегулирования, в том числе с использованием рыночного механизма, появилась потребность централизовать и унифицировать систему административно-территориального деления. В новых условиях требовалась смена региональных элит. В результате борьбы с правым уклоном, в процессе свертывания рыночных начал в экономике, в ходе показательных судебных процессов над оппозицией, чисток партийного и советского аппарата, произошла ротация региональных элит, замена «регионалов», имеющих опыт руководства в условиях рынка, на классово близких выдвиженцев, более лояльных и зависимых управленцев. В условиях, когда нет самостоятельности регионов, нет автономного бюджета, исчезает и необходимость сохранять слой налогоплательщиков в лице частных предпринимателей.

ГАСО. Ф. 72-р. Оп. 1 «Л». Д. 158, 159, 160, 236; Ф. 148-р. Свердловский областной суд. Оп. 1 (1921–1934 гг.). Д. 385 (т. 1); Д. 381 (т. 2); Д. 383 (т. 3); Д. 384 (т. 4); Д. 382 (т. 5); Ф. 593-р. Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998.

Ивников. Канцелярская техника заменяет классовый подход в работе ревизорского аппарата финорганов // Урал. рабочий. 1929. 19 сентября. С. 2.

Килин А. П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы НЭПа : препринт / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1994.

Лавин. Искривление классовой линии в налоговой практике. Свердловский Окрфо делает поправки частникам // Урал. рабочий. 1929. 24 декабря. С. 3.

- Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927.
- Лейканд М.* В борьбе за генеральный план // Урал. рабочий. 1929. 19 сентября. С. 2.
- Литвинов М.* Агентура классового врага разоблачена. Процесс курганского финотдела // Уральский рабочий. 1929. 24 декабря. С. 3.
- М. Н.* Дело о миллионах, подаренных частнику // Урал. рабочий. 1930. 28 февраля. С. 5.
- Маргиналы в советском социуме, 1930-е — середина 1950-х гг. / отв. ред. С. А. Красильников, А. А. Шадт. 2-е изд., расш. и доп. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е годы / ред. С. А. Красильников, Л. Пыстина. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
- Не только идейно, но и организационно разоружить правый уклон группы Бухарина // Урал. рабочий. 1929. 26 октября. С. 2.
- Орлов И. Б., Маркосян Г. М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М. : Принципиум, 2013.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 95–100.
- Промысловый налог. Обложение патентным сбором. М. : НКФ СССР. Финанс. изд-во, 1926.
- Торин А. О.* «Частник прорывает фронт диктатуры пролетариата»: «Астраханское дело» в протоколах собраний трудящихся // Вестн. РУДН. Сер. «История России». 2009. № 1. С. 19–28.
- Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 26.08.2015)
- Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: идентичность и самозванчество в России XX века / [пер. с англ. Л. Ю. Патиной]. М. : РОССПЭН, 2011.
- Шейхетов С. В.* Нэпманы Сибири. М., 1999. [Электронный ресурс] / Электронный журнал «Сибирская заимка». URL: <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml> (дата обращения: 26.08.2015)

Статья поступила в редакцию 29.02.2016 г.

Килин Алексей Павлович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры документационного
и информационного обеспечения
управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

Kilin, Alexey Pavlovich

PhD (History), Assistant Professor
Chair of Management Documentation
and Information
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

**TAX WORKERS AND PRIVATE ENTREPRENEURS
IN THE URALS AS ACTORS OF THE NEP ECONOMY:
FOLLOWING THE “ASTRAKHAN CASE”**

The article analyzes materials of a legal case initiated as a result of bribery and fraud committed by workers of the Sverdlovsk district and the Ural regional financial departments and private traders in Sverdlovsk in 1929. Referring to regional documents, the author considers the all-Russian campaign which started with

the so-called “Astrakhan case” and aimed at the abolition of private capitalist economic structures in the economy.

The aim of research is to examine the interaction between private entrepreneurs and the staff of financial agencies in the late 1920s that are regarded as actors of entrepreneurial activity during the NEP. The subject of the research is the parties’ interests, the nature of the interaction between the employees of the fiscal authorities and private entrepreneurs. The chronological framework (1928–1929) is predetermined by the “Astrakhan” and “Sverdlovsk” lawsuits. Based on the actor model, the author considers the parties’ interests as actors of economic activity, motives of their behavior, problems of interaction between private entrepreneurs and employees of financial authorities; reasons for which the staff of the fiscal authorities sabotaged the process of the forced liquidation of private owners; the role of the judicial process in the justification of the elimination of district division within Ural Region.

К е y w o r d s: new economic policy; “Astrakhan case”; finance; taxes; private entrepreneurs; fiscal policy; administration; the right bias; corruption; forensic investigation case; “vicious circle of the private sector of the economy”; Ural Region; Sverdlovsk district.

Acknowledgements

The research is part of project 15-11-66003 “The Private Sector in the Economy of Ural Oblast between 1923 and 1934” supported by the *Russian Scientific Foundation for the Humanities*.

Demchik, E. V. (1998). *Chastnyj kapital v gorodah Sibiri ot vozrozhdenija k likvidacii* [Private Capital in the Cities of Siberia from Revival to Elimination]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

Fitzpatrick, S. (2011) *Sryvajte maski!: identichnost' i samozvanchestvo v Rossii XX veka* [Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moskva: Rosspen. (In Russian)

Ivnikov (1929, September 19). Kanceljarskaja tehnika zamenjaet klassovyj podhod v rabote revizorskogo apparata finorganov [Office Equipment Replaces the Class Approach in Audit Personnel's Work of Financial Bodies]. *Ural'skij rabochij*, p. 2. (In Russian)

Kilin, A. P. (1994). *Chastnoe torgovoe predprinimatel'stvo na Urale v gody NEPa* [Private Trade Entrepreneurship in the Urals during the NEP]. Yekaterinburg: Institut istorii Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk. (In Russian)

Krasil'nikov, S. A., & Shadt, A. A. (Eds.). (2010). *Marginaly v sovetskom sociume. 1930-e – seredina 1950-h gg.* [Marginal People in Soviet Society]. Novosibirsk: Institut istorii Sibirskogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk. (In Russian)

Krasil'nikov, S. A., & Pystina, L. (Eds.). (2004). *Marginaly v sociume. Marginaly kak socium. Sibir'. 1920–1930-e gody* [Marginal People in Society. Marginal People as a Society. Siberia. 1920s–1930s]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russian)

Lapin (1929, December 24). Iskrivlenie klassovoj linii v nalogovoj praktike. Sverdlovskij Okrfo delaet poblazhki chastnikam [The Curvature of the Class Line in the Tax Practice. Sverdlovsk Okrfo Makes Concessions to Private Traders]. *Ural'skij rabochij*, p. 3. (In Russian)

Larin, Yu. (1927). *Chastnyj kapital v SSSR* [Private Capital in the USSR]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian)

Lejkand, M. (1929, September 19). V bor'be za general'nyj plan [Fighting for the Master Plan]. *Ural'skij rabochij*, p. 2. (In Russian)

Litvinov, M. (1929, December 24). Agentura klassovogo vruga razoblachena. Process kurganskogo finotdela [Class Enemy's Agents Exposed. The Kurgan Process of Finance Department]. *Ural'skij rabochij*, p. 3. (In Russian)

М. Н. (1930, February 28). Delo o millionah, podarenyh chastniku [Case of Millions Given to a Private Trader as a Present]. *Ural'skij rabochij*, p. 5. (In Russian)

Ne tol'ko idejno, no i organizacionno razoruzhit' pravyy uklon grupy Buharina [Not only Ideologically, but also Organizationally to Disarm the Right Deviation of Bukharin's Group]. (1929, October 26). *Ural'skij rabochij*, p. 2. (In Russian)

Orlov, I. B., & Markosjan, G. M. (2013). *Vzjatka i bor'ba s nej v gody nepa* [Bribery and Fight against It in the Years of NEP]. Moscow: Principium. (In Russian)

Poberezhnikov, I. V. (2006). *Perehod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshhestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii* [The Transition from Traditional to Industrial Society: Theoretical and Methodological Issues of Modernization]. Moscow: Rosspen. (In Russian)

Promyslovij nalog. Oblozhenie patentnym sborom [Trade Tax. Patent Fees Imposition]. (1926). Moscow: Finansovoe izd-vo. (In Russian)

Shejhetov, S. V. (1999). *Njepmany Sibiri* [The NEP Men of Siberia]. *Jelektronnyj zhurnal «Sibirskaja zaimka»*. Retrieved from <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml>. (In Russian)

Tjurin, A. O. (2009). «Chastnik proryvaet front diktatury proletariata»: «Astrahanskoe delo» v protokolah sobranij trudjashhihsja [A Private Entrepreneur Breaks through the Front of the Dictatorship of the Proletariat: The "Astrakhan Case" in the Minutes of Workers' Meetings]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Istorija Rossii»*, 1, 19–28. (In Russian)

Ugolovnyj kodeks RSFSR 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR as of 1926]. In *Juridicheskaja Rossija. Federal'nyj pravovoj portal*. Retrieved from <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189>. (In Russian)

Received 29 February 2016